

**ОБРАЗЫ ХОЗЯИНА И ХОЗЯЙКИ ПОДЗЕМНЫХ
БОГАТСТВ В ФОЛЬКЛОРЕ ГОРНЯКОВ БАШКИРИИ**
(по материалам фольклорных экспедиций
Башкирского университета)

Образная система горняцкого фольклора неоднократно исследовалась различными фольклористами, и в целом можно говорить о хорошей изученности этой темы¹. В последнее десятилетие собран новый полевой материал, который, принципиально не изменяя уже полученных наукой выводов, значительно дополняет их. Речь идет о материалах, собранных фольклорными экспедициями Башкирского государственного университета. Экспедиции (научный руководитель проф. Л. Г. Барат) обследовали все районы Башкирии. Зафиксированы сотни преданий, легенд, быличек, устных рассказов. Мы выделяем из всей этой разножанровой прозы лишь те произведения, которые записаны в местах, где раньше было горнорудное производство, и в которых фигурируют Хозяин и Хозяйка подземных богатств — центральные персонажи горняцких преданий. Поскольку наши записи не введены в научный оборот, включаем в статью большие фрагменты горняцких преданий или даем их в полном виде.

Традиции устной прозы горняков современной Башкирии восходят к легендарно-фантастическим рассказам и эпическим песням об ископаемых богатствах и гениях металлов эпохи родового строя. Вместе с тем в традиционном приисковом фольклоре наряду с древними космогоническими воззрениями отражаются и стихийные народные материалистические представления.

¹ См., например, работы Р. Р. Гельгардта, где в сносках указаны почти все сборники и исследования по рабочей прозе: *Р. Р. Гельгардт. Фантастические образы горняцких сказок и легенд.* — Русский фольклор, т. V. М.—Л., 1961, стр. 193—226; *Он же. Фольклорно-лингвистические связи и параллели.* — В сб.: *Устная поэзия рабочих России.* М.—Л., 1965, стр. 33—51; *Он же. Избранные статьи.* Калинин, 1967, стр. 474—523. Из зарубежных авторов следует отметить в первую очередь Г. Хейльфурта, собравшего богатый материал по западноевропейскому горняцкому фольклору в книге: *Bergbau und Bergmann in der deutschsprachigen Sagenüberlieferung.* Marburg—Lahn, 1967.

Хозяин недр принимает в горняцких преданиях и легендах облик человека, животных, птиц, превращается в стихии природы, рассыпается золотом, указывает, где искать самородок, или, напротив, отводит от него, мешает добраться до рудного пласта, устраивает в шахте взрывы, обвалы и сам же предупреждает о грозящей катастрофе, помогает выбраться из обвалившейся шахты, вырабатывает за рудокопа норму, посвящает некоторых одаренных, упорных и бескорыстных горняков — своих любимцев — в тайны горного ремесла, наказывает стяжателей и эксплуататоров, заступает за несправедливо обиженных. Этот противоречивый образ, олицетворяющий и добро и зло, связан с одухотворением в устной традиции сил и сокровищ природы, он выражает горняцкие чаяния и вместе с тем ограниченность сознания масс. В башкирских преданиях Хозяин земных богатств чаще всего принимает облик старика в белом одеянии. Возможно, это связано с тем, что олицетворяющие в сознании дореволюционных рабочих потусторонние силы Хозяина могли ассоциироваться с якобы оживающими на том свете покойниками, которых, согласно мусульманским обычаям, хоронили в белом саване. Остальные персонажи — высокий худой старик в белом, сгорбленная дряхлая старушка с мешком на спине, старая жена муллы, старая казашка и другие — существенно не отличаются от старика в белом и уподобляются ему как внешне, так и функционально. Они представляют собой лишь приуроченные к конкретным условиям модификации образов Хозяина и Хозяйки сокровищ земли. Такая четкая персонификация сочетается с обобщенно-собирательным образом подземного духа, именуемого Хозяином. Характерно, что в легендах шахтер испытывает при встрече с ним страх. Однако страх неоправдан. Ведь Горный — духовное дитя самих рабочих, людей трезвых и земных, с независимым и критическим складом ума. Это всесильный покровитель обиженных и угнетенных. При всей своей фантастичности Горный имеет, правда, слабо выраженную национально-географическую приуроченность: чаще всего он напоминает самого горнорабочего, в руке у него шахтерская лампа, через плечо перекинута кайло. Прав А. Мисюрев, утверждающий, что Горный Батюшка — «сам приисковый рабочий, увеличенный до размеров божества»². Этот дух-оборотень, обладающий даром чудесных превращений, отмечен тем не менее неопределенностью свойств — он ходит невидимкой и тайно помогает честным, бескорыстным и добрым шахтерам. В немецких же горняцких сказаниях, напротив, весьма рельефно рисуется страшная фигура подземного духа. Так, например, он имеет внешность монаха с громадными, как колеса телеги, глазами, с серебряной, доходящей до груди белой бородой и невероятно большой, напоминающей четверик³, шахтерской лампой; или мужчины с белой

² А. Мисюрев. Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Сибири. Новосибирск, 1940, стр. 86.

³ Старинная мера зерна.

бородой до самой груди, в черной одежде, на голове которого — наполеоновская шляпа, а на груди — сверкающая золотом маска со свечой; или присяжного заседателя, у которого — большие, как колеса экипажа, излучающие пламя глаза, увеличивающийся до размеров четверика серебряный фонарь с неописуемо большим и светлым пламенем; или начальника шахты с блестящими глазами, головой достающего потолок штольни, одетого в зеленую верхнюю одежду с манжетами, с ярко горящей шахтерской лампой; или живописно одетого штейгера, который спас от гибели молодого шахтера, и т. д.

Менее впечатлительны фигуры бородатого гнома, малюсенького человечка в шахтерской одежде, белобородого низенького старика в фольклоре польских горняков⁴.

Относительно яркостью отличаются женские образы устной прозы уральских рабочих: «Золотая девка» вся в соболях, парче, камнях-самоцветах, перед которой стоят три ковшика — выпьешь из них — девка золотом, серебром, камнями-самоцветами рассыпается; «Чудо-девица» украшает платье строптивой невесты Сугомака изумрудами, перед которыми меркнут небесные звезды; «Белая барыня» — особое пристрастие питает она к благородным металлам; «Красавица» с распущенными волосами и «Царица золота» в богатой одежде, выезжают из ямы или кургана перед остолбеневшим старателем на прекрасной тройке, запряженной в золотую карету⁵.

В горняцких преданиях Башкирии отразилось представление, согласно которому одухотворенное золото отождествляется с образом Хозяина сокровищ. Хозяин или Хозяйка от удара или даже легкого прикосновения рассыпается золотом: золото таит в себе неограниченные скрытые возможности, оно оживает, становится Хозяином сокровищ, снова рассыпающимся при прикосновении или произнесении заговора-заклинания. Здесь мы имеем дело с поэтически выраженным мотивом фантастического круговорота золота-оборотня. Однако этот распространенный в устной прозе золотоискателей мотив оспаривается в рассказе колхозника Хасанова Ш. М., который утверждает, что Хозяин сокровищ «оборачивается кем угодно, только не золотом, — чтобы не даваться людям»⁶.

Всесильный Хозяин сокровищ наделен в легендах горняков целым рядом человеческих способностей: он умеет разгадывать скрытые замыслы людей, не терпит шуток над собой, не дает обмануть себя, не допускает нарушения условий тайного союза, за-

⁴ См. сб.: *Wo das Erz in Fülle blinkt. Bergmannssagen.* Lpz., 1956; Польские народные легенды и сказки. М.—Л., 1965.

⁵ См.: Дореволюционный фольклор на Урале. Собрал и составил В. П. Бирюков. Свердловск, 1936; Тайные сказы рабочих Урала. Составила Е. М. Блинова. М., 1941; Предания реки Чусовой. Составитель и автор статей В. П. Круглышова. Свердловск, 1961.

⁶ Записано в д. Кысынды Архангельского р-на в июне 1973 г.

ключенного между ним и шахтером, не прощает неискренности и лицемерия и может умертвить вызвавшего его гнев и недовольство рудокопа. Он, как рачительный хозяин, озабочен тем, чтобы не оскудели его подземные кладовые, не любит, когда слишком много золота станется добычей людей, и, если они не прислушиваются к его предостережениям, насильно прекращает разработку шахты, что приводит иногда к массовой гибели горнорабочих.

Примечательно, что легендарный Хозяин вмешивается в дела горняков, не обнаруживая своего участия, и догадаться об его присутствии можно лишь по отдельным косвенным признакам. Так, он дает о себе знать свистом, криком, хохотом, конским топотом или словами угрозы, а также неожиданно возникающим ветром и бурей, но сам остается скрытым за выступом штрека. Нежелание вступать в непосредственные отношения с добытчиками золота объясняется в легендах социально-этическими представлениями дореволюционных приисковых рабочих о растлевающей силе чрезмерного богатства. Эти наивно-утопические идеалы, связанные с образом Хозяина, получают аллегорическое переосмысление в сказе П. Бажова «Про Великого Полоза», который говорит: «Все люди на одну колодку. Пока в нужде да бедности, вроде бы ничего, а как за мое охвостье поймаются, так откуда на них всякой погани налитнет»⁷.

Возможно поэтому Властитель подземных богатств старается избежать встречи с людьми, оставаясь в стороне от суеты корыстолюбцев. Оберегая свои сокровища, он невидимкой вершит справедливый суд над жестокими управителями, штейгерами и надсмотрщиками, а также наказывает жадных старателей. Доведенный до крайней нужды золотоискатель иногда предпринимает не без риска для себя отчаянную попытку «перехитрить» невидимого Хозяина и завладеть его золотом.

Легенды имеют связь с архаичным поверьем о том, что Хозяин-невидимка, в кого бы он ни превращался, непременно оставляет свой след на посыпанном искателем «фарта» пепле, что истолковывается как молчаливое требование Хозяином себе жертвы. Дальнейшее уже не зависит от желания добытчика: взявшись за дело, он должен довести его до конца. Иначе нарушение воли покровителя грозит неслыханными бедствиями и даже смертельной опасностью для шахтера. «Если человек, решившись на это, не съест животного, принесенного в жертву, самого его ждет гибель»⁸. Обычно Хозяин оставляет следы какого-либо живого существа, и они дают понять, кого требует себе в жертву Владелец сокровищ.

И все же горняк не гарантирован от встречи или даже столкновения лицом к лицу с Хозяином шахты. Появляется он перед оро-

⁷ П. Бажов. Малахитовая шкатулка. М., 1960, стр. 162.

⁸ Записано в пос. Семеновск Баймакского р-на от приискового рабочего Карамурзина З. М. (1891 г. рожд.) в феврале 1965 г.

бывшим шахтером в исключительных случаях, когда хочет сообщить что-то жизненно важное для горнорабочего или напугать его. Еще в глубокой древности в немецких горняцких сказаниях образ возникающего перед шахтером Горного духа приобрел значение доброго или дурного предзнаменования — в хорошем расположении духа он появлялся в облике обыкновенного человека или горняка, но если сулил беду и несчастье, то облачался в одеяние Горного монаха со свирепым выражением лица⁹. Своеобразную легенду-быль о неожиданной встрече ее мужа с Хозяином золотой шахты поведала нам бывшая приисковая рабочая С. М. Тураева (1909 г. рожд.):

Муж у меня всю жизнь на шахте запальщиком работал. Полжизни, можно сказать, под землей провел. Заложат взрывники где надо аммонал, а когда все поднимутся наверх, муж остается один во всей шахте и зажигает шнуры.

Так было и 6 ноября 1935 года, накануне праздника. Когда, сделав свое дело, муж спрятался за стойку и стал считать взрывы (чтобы знать, не осталось ли невзорвавшегося заряда), ему померещилось, что в одном из штреков сидит худой старик весь в белом. Вскоре после взрывов дым рассеялся, и муж, к удивлению своему, увидел старика на прежнем месте. Что делать? Пришлось подойти и поздороваться со стариком. Хотя, как муж потом рассказывал, в эту минуту его бросало то в жар, то в холод, а волосы на голове встали дыбом. Старик в ответ только кивнул головой и произнес:

— Не бойся, и ты, и я — Хозяева шахты. Завтра здесь никого не будет. В одиннадцать часов спустись в шахту в этой же одежде. Только не пей!

С такими словами старик скрылся с глаз. А муж, весь бледный, вернулся домой.

Победал он впопыхах, вижу, не сидится ему на месте. Спросила, в чем дело. А он помялся и говорит: «Такая вот загвоздка вышла!» — рассказал все, что с ним приключилось. Велела ему поступить, как сказал Хозяин.

Ночь он провел без сна. А утром пригласил нас в гости старший брат мужа. Мы не хотели идти, но тот, несмотря ни на что, увел нас к себе. Вскоре муж стал собираться обратно, но брат его, узнав, наконец, в чем дело, наотрез отказался выпустить нас из своего дома. Так и не попал муж к Хозяину шахты.

Уже под вечер мы вернулись домой и легли спать. Но муж и в эту ночь не сомкнул глаз. И вот в полночь будит меня:

— Пришел, — говорит, — Сам к нам. Пожурил меня за то, что я послушался людей и не явился к нему: «Ведь каждый живет своим умом. А я бы тебе удачу (улья — банк.) послал и дельный бы совет дал. Да ладно! Прошлого не вернуть! Сам себя наказал. 9 сентября 1939 года с тобой случится несчастье. Его ты не предотвратишь и не избежешь. Прощай!

После этого целый год муж стал с опозданием возвращаться с работы. Все надеялся встретить Хозяина шахты. Но он так и не показался больше. Муж потерял всякую надежду на встречу со «стариком» и перестал его ждать. А слова-предостережения записал на первой странице корана.

И вот в конце августа 1939 года муж вернулся больной с сенокоса. А 9 сентября его уже не стало»¹⁰.

Легендарные представления о чудесных свойствах золота поддерживались традиционными старинными обрядами и обычаями. До революции у восточных башкир еще сохранялся, например, обычай (вероятно, это отголосок культа огня) приносить жертвы

⁹ См. сб.: Wo das Erz in Fülle blinkt. Bergmannssagen, S. 20—21.

¹⁰ Записано в пос. Тубинск Баймакского р-на в июле 1972 г.

горящему, зреющему и оживающему в виде животного или человека золоту и его Хозяину. В памяти стариков-башкир еще сохранились драматичные легендарные рассказы о человеческих жертвах золоту:

Давным-давно девять казахов-братьев, убегая от преследовавших их башкирских воинов, зарыли возле Байгускарова под курганом много золота. Через несколько лет приехали снова и выкопали часть его. А вскоре затем байгускаровский мулла Абдрахман увидел ночью на кургане огонь. Насыпал там пепел и стал ждать.

Когда заметил на пепле следы своего сына, хотел было из страха и жадности резать ларня, но сородичи помешали.

Работал у бая один парень. Он знал место, где находится заколдованное золото, и тайный способ, как его добыть. Ночью золото приняло человеческий вид и подошло к их шалашу. Бай быстро назвал имя своего работника, указал в его сторону и сказал: «Вот жертва!». Парень в эту ночь умер, а бай утром наткнулся на золото¹¹.

Как видно из данных примеров, предания, подобно сказкам, получают иногда обличительную, антиклерикальную и антикулацкую направленность. Однако предание имеет особые жанровые возможности, оно драматичнее сказки, и это проявляется в социальной остроте его содержания. Предание о баях и его работниках отдаленно напоминает старинные западноевропейские горняцкие рассказы о человеческих жертвах огнедышащим горным духам. Об исконности подобных легендарных повествований свидетельствуют также дошедшие до наших дней башкирские предания, в которых Хозяин земельных богатств требует за свое сокровище человеческих (предпочтение отдается детям) жертвоприношений, что является отголоском древних языческих обычаев.

В наше время рассказчики таких легенд нередко проявляют неверие в сверхъестественное и критически относятся к суеверным представлениям о Хозяевах подземных сокровищ. Приведу фольклорные тексты, записанные от таких рассказчиков:

1. Это я когда совсем маленькой была, от отца слышала. Возле Русского Лемезтамака высятся громадные скалы. К ним не только подходить, даже смотреть страшно — кажется, вот-вот рухнут и перекроют путь реке, а деревню вовсе снесут с лица земли. Еще страшней становилось у подножия скалы, откуда открывался вход в бездонную пропасть-пещеру. Называлась она, да и до сих пор ее зовут так, пещерой Григория. Сами лемезтамаковцы не скажут, почему так названа пещера. Отец рассказывал, как он со своими сверстниками, такими же, как он, отчаянными головами, подходил к пещере и затебал разговор с ее Хозяйкой, старой-престарой, замшелой старухой. Сразу от входа пещеры начиналось глубокое озеро, в середине которого выступал из воды четырехугольный, плоский как сундук, камень. На этом камне и сидела та древняя русская старуха, из пасти которой чуть ли не до пупка свисали два длинных, острых зуба-клыка. А рядом с ней постоянно находилась огромная, еще страшнее, чем сама Хозяйка, собака. Она не издавала ни звука, но молчание ее было более ужасным, чем лай и рычание любой собаки. Как только у пещеры появлялись люди и начинали дразнить ее просьбами достать из сундука сокровище и поделиться им, таинственная старуха открывала пасть и злобным голосом, мрачно

¹¹ Эти предания также записаны от Карамурзина З. М.

повторяемым всеми сводами пещеры и оглушающим смельчаков, произносила одно и то же:

— Принесите живого ребенка — и все мое золото станет вашим!

Не помня себя от страха, озорники бросались врассыпную и надолго, пока не придут в себя, оставляли Хозяйку сокровищ пещеры в покое¹².

II. Служил я солдатом в Одессе. Случайно познакомился там с одним золотоискателем по имени Андрей. Охотник был этот Андрей рассказывать легенды о Хозяине золота, которых слышался, работая на приисках. Вот он, бывало, говорит, будто Хозяин подземных сокровищ любит детей и иногда уносит их с собой. Делает он это так: там, где играет ребенок, из-под земли появляется сундук, наполненный золотом. Стоит увидеть ребенку это сокровище, как он, завороченный, подходит к сундуку, выбрасывает из него все богатство, а сам забирается в него. Сундук тут же захлопывается и исчезает вместе с ребенком.

Очень удивился я, когда, приехав после демобилизации из армии домой, услышал подобный рассказ от моего отца. Вот что он рассказал мне:

— В трех километрах от нашей деревни Узунларово есть большой луг, который называют Тумга (луг с кочками). Каждое лето узунларовцы выезжают со всем своим хозяйством на этот луг на сенокос. Время это горячее, все взрослые заняты тяжелой работой, так что присмотр за младенцами положен на детей. Обычно люльки их подвешивают к дереву или сучку, и кто-нибудь из старших детей укачивает маленького. Как-то раз возле мальчика, укачивавшего своего братишку, из-под земли будто бы высунулось ведро с золотом, но тут же исчезло обратно. Мальчик позвал старших, рассказал им, как все произошло, и те стали копать землю там, где скрылось сокровище. Сколько ни копали, золота больше не показывалось. Тогда стали поговаривать, что Хозяин золота хотел заманить к себе мальчика, но заметив, что ребят двое, оставил свою затею и обратно унес богатство.

Хозяин золота, — пояснил мне отец, — уводит к себе ребенка, только когда он один и вокруг нет никого. Отец верил, что это правда¹³.

В русском фольклоре мотив жертвы горящему и оживающему золоту или Хозяину золота не отмечен. Но русские и башкирские предания и легенды, повествующие о том, что на горных заводах Урала будто бы закалывали под плотиной заводского пруда, под кричними печами и горнами живых людей, чтобы крепче «держали» сооружение, напоминают о древнем варварском обычае¹⁴.

Издавна в народе верили, что Хозяева золота, меди и железа появляются в виде быка или человека и дают о себе знать ревом или человеческим криком. Это значило, что они требуют себе в жертву быка или человека и, только получив ее, вознаградят рудокопа. Это с тех пор повелось, что при строительстве медеплавильного или чугунолитейного завода под его основание всегда закапывали живого человека.

Со временем этот обычай стал настолько привычным, что человека закапывали и под плотину заводского или другого пруда. Когда впервые загружались заводские печи и горны, чтобы получить высокого качества плавку или литье, вместе с рудой и топливом в них обязательно бросали и человека.

Отец мой, помню, рассказывал. Не то сам очевидцем был, не то от отца своего слышал, что под любую плотину зарывали живого человека. Обычно для этого выбирали самого бедного, захудалого нищего или калеку. Напоят его до

¹² Записано в д. Сельзягутово Мечетлинского р-на от Гатауллиной А. Г. (1910 г. рожд.) в июне 1974 г.

¹³ Записано в д. Узунларово Архангельского р-на от Якшимбетова И. Л. (1897 г. рожд.) в июле 1973 г.

¹⁴ Ср. со сказанием немецких горняков о том, что после погребения под плотину горного монаха всюду, где он ходил, находилась богатая руда. — *Wo das Erz in Fülle blinkt. Bergmannssagen*, S. 25.

потери чувств и, подводя к будущей плотине, трижды спрашивают — будто все делается с его согласия:

— Укрепишь ли ты?

И тот должен был три раза повторить:

— Укреплю!

Потом его заваливали землей и песком, и человек оказывался заживо погребенным¹⁵.

Башкирские легенды о жертвах золоту, сохранившиеся еще в памяти народной, представляют особый интерес тем, что в них одухотворенный образ золота иногда сочетается воедино с образом Горного духа — Хозяина недр. Но эти традиционные мотивы, как и легендарные рассказы о Хозяине и Хозяйке подземных богатств, уходят в прошлое, сохраняются только в памяти пожилых людей и чаще всего передаются в форме воспоминаний о том, что «говорили старики».

Шел однажды ранним утром забойщик Камал из деревни Галиахмерово на работу. Вдруг увидел двух милиционеров на лыжах, идущих в сторону шахты. Когда спустились они в шахту, за ними пошел Камал. Но в шахте никого не оказалось. Камал стал подозревать, что это были подземные духи. Товарищи же посмеялись над ним, но вспомнили, что старик Хуснулла, как он рассказывал, тоже отстал однажды от товарищей и сел закурить в забое. Только закурил, как кто-то выбил из его рук сигарку. Оглянулся Хуснулла и увидел: длинный худой старик исчез в темноте штрека. Кладовщик Кунаев тоже вспомнил про свою встречу с Хозяином шахты, когда в молодые годы в забое работал: спустился Кунаев после смены в пустой штрек за кувалдой. Только положил ее на плечо, как кто-то выхватил кувалду из рук Кунаева. Оглянулся тот назад, а там старик. Не помня себя от страха, Кунаев скатился с лестницы и по рельсам побежал к люку. Еле-еле выбрался наружу и тут же упал без чувств. Но ведь у страха глаза велики¹⁶.

В наше время трудно встретить человека, верящего в горных духов, и рассказчик выражает явное сомнение в возможности их появления в шахте. С усмешкой рассказывает односельчанам о том, как пугали детей Хозяином золота, старый горняк И. С. Мусин:

Когда мы были маленькими, старики пугали нас Хозяином золота. Поэтому мы близко не подходили к шахтам и обогатительной фабрике. Будто бы Хозяин бродит по заброшенным штрекам в виде штейгера; а иногда появляется и среди шахтеров, кричит на всех, но самого его не видеть. Старики не разрешали откликаться на этот крик: может, мол, угробить. А если старатели затевали ссору из-за золота, говорили, что оно никому не достанется, а его отберет Хозяин¹⁷.

Характерный рассказ о рабском труде на дореволюционных уральских шахтах и о том, как шахтеры принимали непонятные, таинственные подземные звуки за голос Хозяина недр, предупреждающего их об опасности, записали от Мавлютова Мухаметвали Хайрулловича (1893 г. рожд.):

¹⁵ Записано в д. Староитмамбетово Архангельского р-на от Маскова И. Ш. (1888 г. рожд.) в июле 1973 г.

¹⁶ Записано в пос. Миндяк Учалинского р-на от бывшего приискового рабочего Байгазина Н. Г. (1906 г. рожд.) в сентябре 1965 г.

¹⁷ Записано в д. Гудельша Баймакского р-на в феврале 1967 г.

Работал я на угольной шахте. На глубине 800 метров под землей. А в длину шахта тянется на 9 километров. Мало я видел белого света, пока работал. Утром до рассвета спускаешься и поздно почью выходишь. Это самая страшная работа. Угольная пыль быстро воспламеняется, и тогда от взрыва погибают сотни людей. Бывало, нас спрашивают, слышали ли мы землетрясение и застывали ли толчки. А мы ничего не знаем. Наверху дома рушатся, птицы на лезу падают, а мы и не чуем. Верили мы тогда, что у нас свой Хозяин шахты. Ходит, одевается как человек — в шапке и халате ходит. Как только начинается обвал на шахте, появляется будто бы Хозяин и давай кричать. Голос тоненький, жалобный — как у ребенка: ва, ва... И кричит, пока все не выйдут из шахты¹⁸.

Заметное влияние на горняцкие легенды оказали крестьянские поверья и былички о нечистой силе. Поверье о змеях-коболях, летающих с дарами к людям, своим хозяевам, которое проникло в Россию и другие славянские страны в эпоху средневековья с Запада¹⁹, получило, например, отражение в таком устном рассказе:

Если раньше вспыхнет в небе искра, говорили, что змей летит к кому-то на двор, золото дьявольское несет, а то и сам дьявол прилетает к вдовым женщинам. Помню, болтали у нас в поселке, что под березой свет горит и там будто бы дьявольское золото спрятано. Так и не осмелился никто копать²⁰.

В некоторых произведениях устной прозы легендарные представления о горящем золоте переплетаются с суеверными вымыслами о прилетающей из потустороннего мира ведьме-людоедке Мясекай, образ которой испытал заметное влияние антропоморфных представлений. Однако, согласно башкирскому поверью, беспокойный огонь Мясекай отличается от огня, которым горит подземное золото. Для этих рассказов традиционно сравнение загорающегося сине-голубым факелом золота с ровным и спокойным язычком пламени от свечи:

«Мясекай горит беспокойным огнем, трещит — искры кругом. А сокровища подземные ночью светятся, будто кто свечу поставил»²¹.

В научной литературе высказывалось справедливое мнение, что в устном творчестве уральских и алтайских горнорабочих образ Горного Хозяина «не успел» еще настолько отстояться, чтобы составить основу значительного цикла произведений, вполне уже фольклоризировавшихся²². Еще менее «отстоялся» образ Горной Хозяйки. В легендарных рассказах, записанных в последние годы в горнорудных районах Башкирии, ее женские черты почти совсем лишены конкретности. Фантастическая Хозяйка горы, как и Хозяин, не хочет расставаться со своими богатствами и всячески старается помешать людям овладеть ими.

¹⁸ Записано в д. Ямашты Белорецкого р-на в феврале 1967 г.

¹⁹ См.: Л. Г. Барг. Сказочная фантастика и народные верования. — «Советская этнография», 1966, № 5, стр. 21.

²⁰ Записано в пос. Атинган Хайбуллинского р-на от рабочего Дохленко К. В. (1897 г. рожд.) в июле 1966 г.

²¹ Записано в д. Малое Туркменево Баймакского р-на от Зулькарнаева Ш. А. (1891 г. рожд.) в августе 1966 г.

²² См.: С. Н. Ахмедья. О жанровом составе прозаического фольклора русских рабочих. — В сб.: Устная поэзия рабочих России. М., 1965, стр. 125.

Подобно Хозяйке золотой шахты в Церингене, которая, согласно немецкой легенде, носит связку ключей от подземных кладовых сокровищ и отпугивает золотоискателей своим голосом, и подобно Горной девке или девке Азовке русских уральских сказов, которая сидит у входа в пещеру сокровищ и своим криком отпугивает людей, действует Хозяйка горы в башкирском легендарном рассказе:

«В детстве я слышал, что подземные сокровища охраняются Хозяйкой. Когда мальчишкой ходил на гору за глиной, меня каждый раз кто-то предупреждал женским голосом: «Нургали, не трогай!». Это Хозяйка не хотела уступать свои богатства. Но через год на той горе нашли золото, построили шахту»²³.

В некоторых уральских преданиях-легендах, как в сказаниях западноевропейских горняков, в роли Хозяйки выступает Белая женщина. Она охраняет пещеру с кладами Ермака и отгоняет от них искателей сокровищ²⁴. Белую женщину и девушку Азовку, которая в уральских легендах прельщает и заманивает людей к себе в недра горы, напоминает таинственная «голая женщина» в местной легенде о сокровищах Аклинской пещеры²⁵.

Хозяйка подземных сокровищ западноевропейских сказаний и русских легендарно-фантастических рассказов, записанных на Среднем Урале, заманивает к себе полюбившегося ей человека, посвящает его в тайны горных недр, покровительствует ему и пытается превратить его в своего слугу, заставить его забыть земные привязанности. Здесь уместны сравнения с образами Подземной царицы в «Фалунских рудниках» Э. Т. А. Гофмана и Малахитницы в «Каменном цветке» П. П. Бажова²⁶. О Хозяйке гор, которая ищет встречи с человеком и вступает с ним в любовную связь, повествуют также алтайские легенды²⁷.

В обследованных в последние годы фольклорными экспедициями горняцких районах Башкирии легенды данного типа записать не удалось. Возможно, они забыты, но вероятно также, что они не стали фольклорным явлением межнационального значения.

Сравнение среднеуральского и особенно немецкого горняцкого фольклорного материала, в достаточной мере собранного и опубликованного, с устными горняцкими рассказами Башкирии, соби-

²³ Записано в пос. Семеновском Баймакского р-на от старого золотоискателя Салихова Н. К. (1903 г. рожд.) в январе 1966 г.

²⁴ См.: Предания реки Чусовой. Составитель сборника и автор статей В. П. Кругляшова. Свердловск, 1961, стр. 53.

²⁵ Записано в пос. Поляковка Учалинского р-на от пенсионера Ковригина П. А. (1887 г. рожд.) студентами Башк. ун-та Агапитовой Л. и Голосовской М. в июле 1966 г. См.: Народные сказки, легенды, предания и были Башкирии. Уфа, 1969, стр. 115.

²⁶ Соответствующие уральскому фольклорному материалу параллели из западноевропейских горняцких сказаний проводит Р. Р. Гельгардт в статье «Фольклорно-лингвистические связи и параллели». — В сб.: Устная поэзия рабочих России. М., 1965, стр. 47—49.

²⁷ См.: Н. П. Дыренкова. Шорский фольклор. М.—Л., 1940, стр. 150, 262, 263, 265, 267.

рание которых началось лишь в последнее десятилетие, дает некоторое основание предположить, что башкирские и русские рассказы более глубоко связаны с крестьянским и золотоискательским фольклором. И это закономерно. Ведь устная проза немецких и среднеуральских горнорабочих имеет более давние традиции, чем фольклор горняков Башкирии, в основном башкирский, который не столь значительно отличается от крестьянского фольклора. Вместе с тем традиционный повествовательный фольклор о сокровищах давно перестал быть «чисто крестьянским» и входит в горняцкий приисковый фольклор существенной составной частью. Но в горнорабочем фольклоре самые разнообразные легендарные мотивы получают прямое отношение к добыче золота, к труду современных старателей. Такая установка на сообщение практических знаний о земельных богатствах сочетается нередко с творческим вымыслом. В наше время предания-легенды утрачивают питавшую их почву народных верований, все более забываются и получают установку на поэтический вымысел. Фантастические образы и мотивы фольклора горняков, призванные объяснить явления природы и жизни общества на ранних ее стадиях, постепенно переосмысливаются и уступают место живым конкретным образам в произведениях реалистического характера.
